принуждения с достижением целей государственного управления и укреплением общественного порядка.

Список использованной литературы

1. Телятицкая, Т. В. Инновационные подходы к повышению эффективности мер административной ответственности в национальной правовой системе / Т. В. Телятицкая // Практика осуществления правосудия и правоохранительной деятельности в контексте функционирования национальной правовой системы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию ИППК БГУ, Минск, 5–6 сент. 2024 г. / ИППК БГУ ; редкол.: М. А. Городецкая (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2024. – С. 62–64.

2. Зайкин, Д. И. Анализ понятия «эффективность» и методов оценки эффективности предприятий / Д. И. Зайкин, И. В. Косорукова // Проблемы теории и практики управления. – 2020. – № 9. – С. 85–101.

3. Лубенков, А. В. Административно-правовые средства принуждения, реализуемые органами внутренних дел Республики Беларусь / А. В. Лубенков // Вестник ВИ МВД России. – 2016. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-sredstva-prinuzhdeniya-realizuemye-organami-vnutrennih-del-respubliki-belarus (дата обращения: 12.11.2025).

4. Самощенко, И. С. Изучение эффективности действующего законодательства / И. С. Самощенко, В. И. Никитинский // Советское государство и право. – 1969. – № 8. – С. 3–11.

5. Савенок, А. Л. Теоретические и прикладные проблемы эффективности уголовного закона: дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. Л. Савенок. – Минск, 2017. – 339 с.

6. Рогачева, О. С. Эффективность норм административно-деликтного права: монография / О. С. Рогачева. – Воронеж : ВГУ, 2011. – 356 с.

7. Липинский, Д. А. К вопросу о воспитательной функции административной ответственности / Д. А. Липинский, Н. В. Макарейко, А. А. Мусаткина // NB: Административное право и практика администрирования. – 2021. – № 3. – С. 26–36. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36889 (дата обращения: 05.11.2025).

8. Кожевников, С. А. Эффективность государственного управления: проблемы и методы повышения : монография / С. А. Кожевников, Е. Д. Копытова. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2018. – 208 с.

УДК 343.2/.7

Д.В. Шаблинская
(Белорусский государственный университет)

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ КАК МЕРА ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Исследование посвящено рассмотрению уголовного наказания сквозь призму его правовосстановительной составляющей. Указано на публичный и частный интерес восстановления социальной справедливости, и данные восстановительные компоненты рассмотрены применительно к наказанию. Сделан вывод о том, что уголовное наказание содержит в себе потенциал восстановления публичного интереса и может рассматриваться как мера восстановления социальной справедливости посредством удовлетворения интересов общества и государства в восстановлении общественных отношений.

В уголовно-правовой науке современного периода активизировались исследования проблематики уголовно-правового воздействия. Указанные процессы происходят в совокупности с переоценкой роли и места наказания в

деле борьбы с преступностью, расширением спектра средств принуждения, формированием поощрительных (стимулирующих) мер. При этом вопросы содержания наказания, традиционно рассматриваемые в рамках уголовного права, не теряют своей значимости и модернизируются с учетом новых векторов правоохранительной политики, развития уголовного законодательства, правоприменения и доктринальных наработок.

Концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, и последующая реализация ее положений в Законе Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» также актуализировали изучение проблемы восстановления социальной справедливости в уголовном праве. В рамках данной публикации предлагаем обратить внимание на уголовное наказания и рассмотреть данную меру государственного принуждения не только как совокупность лишений или ограничений прав и свобод осужденного, но и как меру, содержащую правовосстановительный компонент.

Понимание мер восстановления социальной справедливости должно исходить из уяснения функций, задач и целей уголовного права и уголовно-правового воздействия с учетом субъектного состава уголовно-правовых отношений и развития восстановительных компонентов уголовного права. Полагаем, в первую очередь необходимо определить: восстановление социальной справедливости есть публичный интерес (т.е. интерес государства и общества) либо частный интерес (т.е. интерес потерпевшего, например, получить возмещение материального и морального вреда, причиненного преступлением, либо виновного лица, например, быть освобожденным от уголовной ответственности)? Если восстановление социальной справедливости является сугубо публичным интересом, то возникает вопрос, в какой задаче или функции уголовного закона он отражен и каким образом он реализуется? В таком случае следует говорить широко: публичный интерес восстановления социальной справедливости может осуществляться при помощи закрепления в УК обязанности лица, совершившего преступление, по восстановлению общественных отношений и установления зеркальной обязанности государства в лице уполномоченных органов по принуждению лиц к восстановлению общественных отношений. Реализуется данный публичный интерес путем реального принуждения правонарушителя к восстановлению общественных отношений и его осуждения.

Публичное право характеризует преимущественное использование публично-правового метода правового регулирования, выраженного в императивном властном воздействии, используемом в процессе упорядочения отношений в публичной сфере. А если мы разовьем и расширим диспозитивность в уголовном праве и сбалансируем публичный интерес, сблизим его с частным интересом в том случае, когда волеизъявление лица, совершившего преступление, также будет направлено на осознанное и целенаправленное претерпевание мер уголовно-правового воздействия, применяемых за совершение общественно опасного деяния? Ведь несмотря на

то, что в публичном отношении реализуется общественный интерес, его участники так или иначе реализуют и удовлетворяют свои собственные интересы. В этой связи признаком меры восстановления социальной справедливости является удовлетворение частного интереса, на что косвенно указывает уголовный закон, т.к. он не ставит перед собой восстановительной задачи в публично-правовом аспекте.

Институт наказания от момента его зарождения и до настоящего времени претерпевает ряд трансформаций. Изначально сам обиженный мстил обидчику. Позже эти процессы стало контролировать общество, устанавливая обязательность наказания за конкретные деяния и их определенные формы. Как отмечает Т. И Довнар, «с течением времени государство взяло на себя миссию наказания, хотя назначалось оно, в главным образом, в интересах потерпевшего. Постепенно карательная деятельность подчинилась идее общественной пользы, и интересы потерпевшего были вытеснены интересами государства» [1, с. 439]. Соответственно, для государства наиболее важными представлялись цели сдерживания людей от совершения преступлений («зла»), поэтому наказанию чаще всего придавался устрашающий характер. И хотя в указанных актах содержание наказания не раскрывалось, о его непосредственных функциях свидетельствовали сами виды наказания: смертная казнь, телесные и позорящие наказания («покута»). Данные меры имели своим назначением, во-первых, возмездие, подкрепленное религиозными догмами о божьей каре, и, во-вторых, устрашение. Наряду с этим, наказанию придавался и восстановительно-компенсационный характер: значительная часть наказаний представляло собой компенсацию причиненного потерпевшему вреда.

Таким образом, наказание, пройдя путь от кровной мести до меры, устанавливаемой законом, получило статус меры государственного принуждения, назначение и исполнение которой обеспечивалось в обязательном порядке государственной властью и от ее имени. И особенностью современного уголовного права является понимание наказания как сугубо публичной меры и в целом доминанта мер государственного принуждения.

Полагаем, что, будучи публично-правовым институтом, уголовное наказание все же имеет восстановительный потенциал, однако направлено на восстановление социальной справедливости в публичном интересе (т.е. в интересах государства и общества). Содержание наказания составляет государственное принуждение – совокупность ограничений и лишений прав осужденного – кара. Карательная сущность наказания, выражающаяся в правоограничениях для осужденного, может служить удовлетворению чувства справедливости посредством такого компонента как «возмездие (воздаяние)».

Уголовно-правовое воздействие не способно восстановить социальную справедливость без мер уголовной ответственности и, в первую очередь, наказания. Неотвратимо назначенное и реально исполненное наказание, соразмерное характеру и степени тяжести совершенного преступления, также восстанавливает социальную справедливость для всего общества в целом, при этом положительно и функционально воздействуя на цели общего и специального предупреждения преступлений. Социальную справедливость

также призваны обеспечить дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания.

Исправление осужденного в ходе отбывания наказания, обеспечиваемое такими содержательными компонентами наказания, как труд, режим и другими средствами, видится не менее значимым результатом в восстановлении социальной справедливости. Денежно-материальное содержание ограничений и лишений, содержащееся в таких наказаниях, как штраф и исправительные работы, также в определенной степени «компенсируют» ущерб, причинный преступлением общественным отношениям. Ресоциализационный и социально-адаптационный компоненты наказания (точнее, процесса его отбывания) также являются аргументами в пользу того, что данная мера государственного принуждения может иметь восстановительный характер. Будучи самостоятельной категорией, исправление посредством отбывания осужденным наказания обеспечивает безопасность исправленного лица для общества, чем также восстанавливается баланс общественных отношений, существовавших до момента совершения преступления.

Таким образом, уголовное наказание содержит в себе потенциал восстановления публичного интереса и может рассматриваться наряду с пониманием его как меры государственного принуждения мерой восстановления социальной справедливости при условии установления и реализации:

1. справедливости со стороны общества, господствующих в нем представлений о преступном и наказуемом;

2. справедливости со стороны законодателя посредством установления норм уголовного закона (криминализации и пенализации), базирующихся на соразмерности наказания тяжести содеянного и обеспечивающих дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности и иных уголовно-правовых мер;

3. справедливости со стороны правоприменителя (суда), что выражается в надлежащей оценке характера и степень опасности содеянного, личности преступника, расширении практической сферы индивидуализации наказания и иных мер уголовно-правового воздействия;

4. справедливости по отношению к виновному лицу, включая ресоциализационный и социально-адаптационный характер применяемых уголовно-правовых мер;

5. справедливости по отношению к обществу, что включает все вышеуказанное, а также восстановление общественных отношений, удовлетворение ожиданий общества от реализации мер уголовно-правового воздействия, что способствует повышению авторитета государственных органов, воспитывает у людей уважение к духу и букве закона, эффективность достижения цели общего предупреждения.

Что касается частноправового интереса удовлетворения социальной справедливости в отношении конкретного потерпевшего от преступления лица, полагаем, что роль наказания в данном процессе не является приоритетной. Указанная задача на сегодняшний день достигается иными мерами юридической

ответственности (в первую очередь, мерами гражданско-правовой ответственности).

Список использованной литературы

1. Уголовное право. Общая часть: учебник / Н. А. Бабий [и др.]; под ред. В. М. Хомича. – Мн. : Тесей, 2002. – 496 с.

УДК 342.4

А.А. Шафалович
(Белорусский государственный экономический университет)

СУБЪЕКТЫ, УЧАСТВУЮЩИЕ В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ДОКТРИНАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Данное исследование посвящено сравнению терминологических рядов, используемых в правовой доктрине и в отечественном законодательстве в сфере нормотворческой деятельности. Автор приходит к выводу о том, что язык доктрины и законодательства в сфере нормотворческой деятельности сильно отличаются и не могут использоваться как взаимодополняемые. В виду этого мы вынуждены использовать дополнительный термин «субъекты, участвующие в нормотворческой деятельности», объединяющий лиц, участвующих во всех видах нормотворческой деятельности. К ним относятся нормотворческие органы, субъекты нормотворческой деятельности и субъекты, занимающиеся нормотворческой деятельностью, но не осуществляющие нормотворческий процесс.

Вопрос уточнения круга субъектов, участвующих в нормотворческой деятельности, является закономерным и, как оказалось при ближайшем рассмотрении, не самым простым вопросом для правовой науки.

И первое, что требует конкретизации, – это понятийный ряд в указанной сфере. Дело в том, что если субъекты правотворческой деятельности определяются чисто доктринально, то субъекты, участвующие в нормотворческой деятельности, обозначены посредством законодательного дефинирования. Так, традиционно считается, что субъектами правотворчества в Республике Беларусь выступают: полномочные государственные структуры; непосредственно народ – для решения республиканских и местных референдумов; негосударственные организации; личностные субъекты, обладающие правотворческой инициативой.

Законодатель же в Законе от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах» [1] использует совсем другие термины: нормотворческий орган и субъекты нормотворческой деятельности, но аналогия с термином «субъект правотворческой деятельности» не срабатывает.

В правовой доктрине субъектами нормотворческой деятельности являются субъекты, ее осуществляющие. Если в теории под субъектом правотворческой деятельности понимается лицо, в любой форме, участвующее в таковой деятельности, в первую очередь, принимающее или отменяющее нормативные правовые акты (далее – НПА), то законодатель, наоборот, распространяет понятие «субъекты нормотворческой деятельности» для обозначения иных